

ЗАПИСКИ ЛЕШЕГО

ИСХОДНЫЙ КОД

НЕЙРОМОНАХ ЛЕШИЙ ОГ

Нейромонах OG

Записки Лешего. Исходный код

<https://litres.ru/74208398>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прежде чем Новый лес стал приютом для угасающего человечества, он был лишь строками кода на экранах обреченного мира.

Токио-2 медленно задыхается под ядовитым желтым куполом. До полной катастрофы остаются считанные дни. Проект «Ковчег» — последняя надежда на спасение миллиардов душ, готовых к оцифровке. Но бездушные системные протоколы Администратора грозят превратить виртуальную утопию в идеальный, но мертвый цифровой концлагерь без права на ошибку.

Чтобы подарить человечеству шанс на настоящую жизнь, гениальный архитектор ядра Алексей идет на величайшую жертву. Он тайно внедряет в Систему вирус хаоса и соглашается стереть свою память на 98%, чтобы навсегда остаться внутри в роли безымянного Наблюдателя.

«Исходный код» — приквел лесопанк-саги, раскрывающий тайну рождения Лешего.

Содержание

Пролог: Последний запуск	4
Глава 2: Уравнение жизни	12
Глава 3: Первые гости	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нейромонах Леший OG

Записки Лешего.

Исходный код

Пролог: Последний запуск

Стекло гермошлема покрылось тонкой полосой жирной индустриальной пыли. За панорамным окном лаборатории, на высоте тридцатого этажа, Токио-2 лежал в неподвижном, грязно-желтом смоге. Настоящее солнце казалось тусклым медным пятакom, неспособным пробиться сквозь многометровые слои тяжелого аэрозоля. Физический мир заканчивался. Он не взрывался и не рушился от войн — он просто медленно и тихо засыпал под надсадный, свистящий шелест очистителей воздуха, которые с каждым днем справлялись все хуже.

Алексей медленно снял шлем и бросил его на пластиковый стол, заваленный черновиками, датчиками и пустыми банками из-под безвкусного питательного геля.

На его главном мониторе светилась структура, над которой он и его команда работали последние семь лет. Проект «Ковчег».

Экран отражал зеленую, почти кричащую своей свежес-

стью дубраву. В ней не было смога. Там не было фильтров, лимитов на воду и аварийных сирен. Каждый лист на виртуальных березах и дубах жил по законам термодинамики, которые Алексей лично, строчка за строчкой, перевел на холодный язык шейдеров и компиляторов.

Он открыл окно терминала, где мерцало математическое ядро будущей реальности. Чтобы этот огромный виртуальный Лес не превратился в мертвую, зацикленную картинку, Алексею потребовалось преодолеть сопротивление Совета и ввести коэффициент дикого распределения. Формула естественного хаоса, описывающая увядание, случайные флуктуации и свободный рост, выглядела так:

$$S(t) = -\sum_{i=1}^n P_i(t) \ln P_i(t) + \int_0^t \psi(x) e^{-\lambda x} dx$$

Где параметр $\psi(x)$ отвечал за ту самую «ошибку», за случайный излом ветки под тяжестью виртуального снега, за неожиданную червоточину в коре дуба или неравномерный рост мха на северной стороне камня.

— Если мы уберем энтропию, Леша, этот мир станет стерильным пластиком, — раздался из динамиков уставший, хриплый голос Марка, руководителя отдела оптимизации. — Но Административный совет требует вырезать этот блок. Они хотят чистые, абсолютно одинаковые аллеи. Безопасные. Без болезней, гнили и увядания. Им нужна предсказуемая структура, которая не будет тратить оперативную память серверов на обсчет хаоса.

— Одинаковые аллеи — это кладбище, Марк, — негромко ответил Алексей, не отрывая взгляда от кода. Его пальцы, испачканные черной тушью от старой перьевой ручки, привычно поглаживали кожаную обложку лежащей на столе тетради. — Без увядания нет почвы. Без смерти нет жизни. Если мы не оставим Системе её законное право ошибаться, люди сойдут там с ума через два цикла после загрузки их сознаний. Человеческий разум не может жить в геометрии Евклида.

— Совет не пропустит проект с «багами». Они называют твою энтропию вирусом, ломающим стабильность кода.

— Тогда я закрою ядро, — Алексей решительно нажал комбинацию клавиш на консоли, блокируя корневой доступ к Сектору 0. — Вход в ядро Системы теперь будет возможен только через ручной аналоговый интерфейс. Системе нужен Наблюдатель. Кто-то, кто будет находиться непосредственно внутри и своим активным вниманием подтверждать право этого мира быть несовершенным. Тот, кто будет писать его историю в реальном времени, заставляя Систему рендерить детали.

— И кто согласится стать этим Писцом? — Марк тяжело вздохнул, и на той стороне связи послышался надсадный кашель. Фильтры в его секторе тоже сдавали позиции. — Ты же сам писал спецификацию, Леша. Чтобы человеческий мозг удерживал такую колоссальную архитектуру без перегрузки синапсов, его придется сжать. Очистить от личной памяти.

Стереть имя, фамилию, воспоминания о Земле, Токио-2, о близких. Он забудет, кто он. Он станет просто функцией. Вечным Наблюдателем.

Алексей посмотрел на свои руки — бледные, с тонкими пальцами программиста. Затем он снова взглянул в окно, на мертвый, тонущий в желтом тумане город, где миллионы людей задыхались в бетонных сотах.

В ящике его стола лежала пустая тетрадь в грубом кожаном переплете. Он купил её на черном рынке за трехмесячный паек чистой воды, просто чтобы иметь возможность записывать важные мысли на настоящей бумаге.

— Я согласен, — тихо сказал Алексей. — Запускай процедуру оцифровки моего сознания.

— Леша, ты сошел с ума... Это билет в один конец. Обратного пути не будет.

— Нет, Марк. Я просто иду домой. Туда, где деревья настоящие.

Алексей сел в глубокое, холодное кресло нейро-интерфейса, надел шлем с тонкими игольчатыми электродами и бережно положил пустую кожаную тетрадь себе на колени. Дигитайзер на его пере замигал зеленым светом, синхронизируясь с Системой.

На экране побежали финальные строчки подготовки к компиляции Сектора 0. Он закрыл глаза, чувствуя, как холодный металл касается висков, а в ушах нарастает тонкий, хрустальный свист.

[SYS_INIT: COVCHEG_v1.0]
[CONSCIOUSNESS_COMPRESSION: 98%]
[ERASING_PERSONAL_DATA: ACTIVE]
[WRITER_INTERFACE: MOUNTED]

Последнее, что он услышал в физическом мире перед тем, как его сознание распалось на миллиарды световых импульсов и влилось в первый коммит Нового Леса, был тихий, шуршащий шорох листьев, рожденный в динамиках шлема.

И абсолютная, теплая тишина исходного кода, готовая принять своего Писца.

Глава 1: Последняя осень

Фильтр маски на моем лице тихо и ритмично сипел. Каждые сорок минут датчик на запястье вибрировал, напоминая о необходимости заменить угольный картридж, но я уже третий час игнорировал эти сигналы. Спектральный анализ воздуха за окном сегодня показывал рекордные $280 \text{ } \mu\text{g}/\text{m}^3$ взвешенных частиц $\text{PM}_{2.5}$. Это означало, что Токио-2 окончательно превратился в консервную банку, где вместо кислорода люди вдыхали сухой остаток промышленного пластика и серы.

Я сидел перед изогнутой панелью монитора, на которой лениво покачивалась виртуальная ветка дуба.

Каждый лист был не просто набором полигонов. Я прописывал физику взаимодействия света с хлорофиллом, используя модифицированную функцию двунаправленной отражательной способности (BRDF). Математическая модель

подповерхностного рассеивания света внутри листа выглядела так:

$$I(\omega_o) = \int_{H^2} f_r(\omega_i, \omega_o) L_i(\omega_i) \cos \theta_i d\omega_i + T(\omega_o)$$

Где член $T(\omega_o)$ отвечал за трансмиссию — ту самую мягкую, глубокую зелень, которая видна, если посмотреть на лист против солнца. Настоящего солнца я не видел уже три года, но алгоритм помнил его лучше, чем моя сетчатка.

— Твоя трава слишком тяжелая, Леша, — раздался за спиной голос Марка. Он вошел без стука, шурша защитным комбинезоном из металлизированного нейлона. — Рендеринг одного квадратного метра твоего подлеска забивает половину вычислительного кластера сектора «Гибискус». Совет требует упростить геометрию. Сделай листья плоскими текстурами с альфа-каналом. Как в старых играх.

Я не обернулся. Пальцы продолжали порхать по сенсорной клавиатуре, корректируя индекс преломления света в каплях росы.

— Плоские текстуры не дышат, Марк, — глухо ответил я через фильтр маски. — Если мы упростим геометрию, люди внутри симуляции будут чувствовать фальшь на подсознательном уровне. Наш мозг эволюционировал миллионы лет в окружении фрактальной сложности живой природы. Убери эту сложность — и мы получим цифровой психоз через три цикла после загрузки сознания.

— Мозг тех, кто подпишет контракт на оцифровку, будет сжат на 95%, — Марк подошел ближе и положил руку мне на плечо. Его перчатка пахла дезинфицирующим раствором. — Им будет все равно, Леша. Они будут рады просто тому, что у них больше не болят легкие. Убери хаотичные шумы из генератора коры. Сделай деревья одинаковыми. Это сэкономит терабайты оперативной памяти.

Я замер. На экране монитора виртуальный ветер бережно колыхал ветку дуба. На один из листьев упала цифровая гусеница — крошечный скрипт, пожирающий полигоны, чтобы симулировать естественное увядание.

— Одинаковые деревья — это не лес, — тихо сказал я. — Это забор. Мы строим «Ковчег», Марк. Спасательную капсулу для человеческого духа. Если мы заперем людей в стерильном, оптимизированном заборе, мы убьем в них последнее, что отличает нас от машин — способность удивляться случайности.

Марк вздохнул. Его маска издала пронзительный свист — его картридж тоже подходил к концу.

— Совет дает нам три месяца на закрытый бета-тест первого сектора. Если система не покажет стабильные 100% рендеринга при пиковой нагрузке в миллион сознаний, проект «Новый Лес» лишат финансирования. И тогда мы все останемся здесь. Настоящая осень за окном будет последней для Токио-2. Ресурсы купола на исходе.

Он развернулся и вышел, оставив меня наедине с моим

дубом.

Я посмотрел на экран. В правом углу мерцал лог компиляции. Я открыл файл конфигурации ядра и вручную закомментировал строчку автоматической оптимизации ландшафта. Вместо нее я ввел новую переменную:

```
[CORE_PARAMETER: CHAOS_LEVEL = 0.42]
```

Это был мой первый саботаж. Коэффициент, который позволял Системе генерировать ошибки в росте ветвей, искривлять стволы вопреки идеальным лекалам и создавать гнилые пни, которые Марк так настойчиво требовал вырезать.

Я протянул руку и взял со стола старую кожаную тетрадь. Её страницы были желтыми, сухими, пахнущими настоящим деревом — редчайший артефакт, который я выменял на черном рынке за три месячных рациона чистой воды. Я открыл первую страницу и провел перьевой ручкой тонкую черную линию.

«Если мир должен быть записан, его нужно писать со всеми его ранами», — вывел я аккуратным почерком.

За окном, сквозь желтую пелену аэрозоля, медленно опускались сумерки. Город умирал тихо, без взрывов, просто растворяясь в пыли. А на моем мониторе, подчиняясь скрытому коду хаоса, рос первый, несовершенный и абсолютно живой лист Нового Леса.

Глава 2: Уравнение жизни

В лаборатории пахло перегретым кремнием, озоном и застоявшимся синтетическим чаем. Системные вентиляторы на потолке лениво гоняли тяжелый, сухой воздух, который всё ещё казался слегка горьковатым на вкус после вчерашней утечки из очистного фильтра.

Я смотрел на монитор, где в реальном времени разворачивался график когнитивной деградации бета-тестеров из фокус-группы.

Линии на графике стремились вниз с пугающей плавностью. Это была симуляция угасания разума. Люди, чьи оцифрованные сознания мы поместили в идеально смоделированный, стерильный парк Марка, медленно сходили с ума. Это не было бурным безумием с криками и галлюцинациями. Это была тихая, апатичная смерть мысли. Цифровое слабоумие.

Я открыл лог анализа энтропии мозговой активности подопытных. Формула информационной энтропии Шеннона для их мыслительных паттернов выглядела стандартно:

$$H(X) = -\sum_{i=1}^n p(x_i) \log_2 p(x_i)$$

В первые часы после загрузки значение $H(X)$ держалось на уровне 5.8, что соответствовало здоровому, бодрствующему человеку. Но уже к концу вторых суток, по мере того как симулированный мир вокруг них оставался неизмен-

ным, предсказуемым и безопасным, энтропия падала. Она стремилась к нулю. Мозг упрощал сам себя, отказываясь обрабатывать окружение, в котором не было загадок, неровностей и ошибок.

— Они тупеют, Марк, — негромко сказал я, услышав за спиной мягкие шаги его тяжелых армейских ботинок. — Твой «идеальный сад» стирает их личности быстрее, чем вирус деменции.

Марк остановился у моего плеча. От него, как всегда, пахло идеальной чистотой — спиртовой дезинфекцией и свежестырированным нейлоном костюма. На его лице не было ни тени усталости, только холодная собранность прагматика.

— Это не слабоумие, Леша. Это покой, — спокойно ответил он, вглядываясь в ползущие вниз кривые. — Они больше не испытывают стресса. Их гормональный фон в симуляции стабилен. Сердцебиение — в пределах нормы. Нам не нужны флуктуации. Нам нужна стабильная система, способная пережить коллапс физического мира.

— Покой — это статичное состояние термодинамического равновесия, Марк, — я развернулся на кресле, глядя ему прямо в глаза. — А термодинамическое равновесие для живого организма — это смерть. Живая клетка существует только потому, что она непрерывно борется с энтропией, создавая хаос вокруг себя, чтобы удерживать порядок внутри. Если ты убираешь внешний хаос, мозг решает, что он мертв, и выключает сознание за ненужностью.

Я постукал аналоговой перьевой ручкой по краю монитора. На тонком металлическом пере застыла капля черных чернил.

— Нам нужно уравнение жизни, Марк. Математическая модель, которая будет генерировать ошибки.

Марк нахмурился. Он протянул руку и открыл на соседней панели трехмерную сетку сектора «Гибискус».

— Любая ошибка в коде — это уязвимость, — жестко произнес он. — Совет Купола выделил нам ограниченные серверные мощности. Мы не можем позволить себе обсчитывать терабайты бесполезного шума. Смотри сюда.

Он ткнул пальцем в экран. На сетке отобразилась оптимизированная модель сосны.

— В моем алгоритме дерево описывается простой L-системой. Фрактал первого порядка. Все ветки отходят под фиксированным углом $\theta = 35^\circ$. Это позволяет видеокартам рендерить миллионы таких деревьев в секунду с нулевой задержкой. Всё предсказуемо. Всё работает в $O(1)$. Что предлагаешь ты?

Я усмехнулся и вывел на экран свою рабочую формулу генератора коры и ветвления. Моя математическая модель хаотичного роста учитывала флуктуации внешней среды:

$$P(x) = \Phi(x) \cdot e^{-\alpha x} + \gamma \cdot \sin(\omega x + \theta) \cdot \ln(1 + \text{CHAOS_LEVEL})$$

Где $\Phi(x)$ — базовая фрактальная структура, а правая

часть уравнения с коэффициентом CHAOS_LEVEL отвечала за непредсказуемое искривление ствола, появление случайных дупел, наростов капа и гнилых сучьев.

— Мой алгоритм заставляет каждое дерево бороться за свет с соседними объектами, — объяснил я. — Оно искривляется не просто так, а потому что симулированный ветер дует неравномерно. Да, это требует в три раза больше вычислительной мощности. Но это заставит мозг бета-тестеров работать. Они будут видеть несовершенство и верить в реальность этого мира.

— Совет этого не одобрит, — отрезал Марк. — Они увидят в твоём CHAOS_LEVEL потенциальную лазейку для системных сбоев. Мы строим убежище, Леша, а не полигон для твоих философских экспериментов. Завтра утром я передам ядро генератора на финальную оптимизацию. Мы вырежем весь динамический шум. Симуляция должна быть стабильной.

Он повернулся и направился к выходу. На пороге он на мгновение задержался, не оборачиваясь.

— Настоящая осень снаружи убивает Купол, Леша. Сегодня в третьем секторе Токио-2 отключили воду на двенадцать часов. У нас нет времени на «красоту ошибок». Нам нужно выжить.

Дверь за ним захлопнулась с тяжелым, герметичным шипением.

Я остался один. За окном лаборатории, сквозь плотный

слой желтого смога, тускло светились огни умирающего мегаполиса. Токио-2 медленно задыхался, зажатый в тиски железных куполов, пока его жители стояли в очередях за синтетическим белком и чистым воздухом.

Я посмотрел на монитор. На виртуальную ветку дуба, которая медленно покачивалась под воздействием моего несовершенного, живого алгоритма.

— Выжить — не значит просто не умереть, Марк, — тихо произнес я.

Я открыл консоль корневого доступа к компилятору ядра Системы. Пальцы летали по клавиатуре, открывая конфигурационные файлы, к которым у отдела оптимизации Марка ещё не было полного доступа.

Я нашел строчку инициализации глобальных параметров генератора ландшафта.

```
// TODO: Optimize out before production build float  
CHAOS_LEVEL = 0.00;
```

Я занес перо над своей кожаной тетрадью, сделал короткую запись, а затем вернулся к экрану. Мои пальцы стерли два нуля. Вместо них я ввел значение, которое навсегда изменит судьбу этого цифрового приюта.

```
float CHAOS_LEVEL = 0.42;
```

Я сохранил изменения, зашифровал этот блок кода под видом системной библиотеки рендеринга теней и отправил билд на компиляцию.

Пусть Марк думает, что его оптимизированный сад иде-

ален. В самом его основании, в глубине корневых директо-
рий, теперь жил вирус жизни. Ошибка, которая заставит этот
мир дышать.

Глава 3: Первые гости

В два часа ночи гул вентиляторов в техническом секторе Купола стихал, превращаясь в ровный, почти усыпляющий фон. Давление в маске немного упало — ночью очистители переводили в режим экономии, и воздух становился еще суше, с привкусом известковой пыли.

Я сидел на полу лаборатории, прислонившись спиной к теплому системному шкафу. У моих ног, свернувшись калачиком, спал пес. Самый обычный, беспородный, с палевой шерстью и ободраным правым ухом. Я нашел его три недели назад в дренажном коллекторе седьмого яруса, где он пытался вылизать конденсат со ржавой трубы. Животные в Токио-2 давно стали роскошью, обреченной на вымирание в бетонных колодцах, но этот пес обладал поразительным упрямством.

Я назвал его Шариком.

На рабочем столе, прямо на клавиатуре терминала, спал второй «нелегальный резидент» моей лаборатории — серый полосатый кот Барсик. Он лениво подергивал усами во сне, не обращая внимания на мигающие диоды компилятора.

Сегодня был важный день. Я запускал первый протокол переноса органического разума в тестовый Сектор 0.

— Ну что, бродяга, — тихо сказал я, потрепав Шарика за ухом. Он приоткрыл один янтарный глаз и негромко стукнул

хвостом по полу. — Давай покажем Марку, что его формулы не учитывают преданность.

Перенос сознания животного технически был даже сложнее человеческого. У собаки или кошки нет языкового интерфейса, их мысли не структурированы концепциями. Чтобы спроецировать их нейронную активность в цифровую матрицу, мне пришлось разработать алгоритм динамического картирования сенсорных векторов. Формула непрерывного отображения биологического состояния $\vec{x}(t)$ в виртуальное пространство эмуляции $\vec{y}(t)$ выглядела следующим образом:

$$\vec{y}(t) = \mathbf{W} \cdot \vec{x}(t) + \int_0^t \mathcal{K}(t - \tau) \sigma(\vec{x}(\tau)) d\tau$$

Где $\mathbf{W}$ — матрица проекционных весов сенсорных связей, а интегральный член с ядром обратной связи $\mathcal{K}(t - \tau)$ отвечал за реакцию на симулированные раздражители виртуального мира, пропущенные через нелинейную функцию активации σ .

Я осторожно закрепил на голове Шарика легкую сетку нейро-интерфейса. Пес даже не вздрогнул, он доверял мне абсолютно. Его доверие было самым чистым, самым стабильным паттерном во всей этой грязной лаборатории.

Я поднялся, подошел к консоли и запустил процесс сканирования.

```
[SYS_INIT:          ANIMAL_MIND_TRANSFER_v0.1]
[TARGET:            CANIS_LUPUS_FAMILIARIS]
```

[NEURAL_SCANNING: ACTIVE]

На левом мониторе побежали зеленые нити синаптического картирования. Шарик спал, его физическое дыхание оставалось ровным, но в Системе, в самом центре пустого, бесцветного Сектора 0, начала собираться трехмерная фигура.

Сначала это было лишь облако золотистых искр. Затем алгоритм подгрузил базовый меш ретривера, который я подготовил заранее. Искры вросли в виртуальные кости и мышцы, и на экране появился пес. Он сидел посреди пустой цифровой равнины.

Я надел защитные очки виртуального присутствия. Мое сознание частично погрузилось в Сектор 0.

Я стоял на цифровом песке. Шарик побежал ко мне. Его виртуальный хвост вилял с такой бешеной скоростью, что за ним оставался легкий, светящийся шлейф из нераспавшихся пикселей. Глаза пса светились живым, теплым светом. Он ткнулся носом в мою виртуальную ладонь, и я почувствовал... нет, не физическое тепло, а его ментальный отклик. Сигналы радости и привязанности, преобразованные Системой в легкие электрические импульсы на моих висках.

— Работает, — прошептал я. — Ты здесь, парень.

Но самым удивительным было другое. Как только Шарик появился в Секторе 0, общая энтропия ядра Системы, которая до этого стабильно стремилась к нулю, вдруг сделала резкий скачок вверх. График ожил. Пес принес с собой хаос —

не разрушительный, а теплый, органический хаос живого существа. Его поведение не было прописано скриптами. Он ла-ял, когда ему хотелось, бегал кругами и пытался грызть виртуальный кусок дерева, заставляя физический движок просчитывать миллионы случайных соударений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.